

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Под осыпающимся
ПОТОЛКОМ

Москва

> МАТИС ТРАЛЪ >

ГОРАН ПЕТРОВИЧ

Под осыпающимся
ПОТОЛКОМ

Москва

УДК 821.163.41-31
ББК 84(Сер)-44
ПЗ0

Goran Petrović

ИСПОД ТАВАНИЦЕ КОЈА СЕ ЉУСПА

Copyright © 2024, Vera Bogosavljević Petrović + Published by
agreement with Laguna, Serbia

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление *Натальи Портяной*

Петровић, Горан.

ПЗ0 Под осыпающим потолком / Горан Петровић ;
[перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Экс-
мо, 2025. — 256 с.

ISBN 978-5-04-213090-8

Горан Петровић — знаковый сербский писатель, чье творчество пронизано магическим реализмом. Его романы читаются как сказки.

У сапожника Лозы Йовановича была мечта. Ради нее он купил на аукционе целый вагон списанных армейских ботинок на правую ногу. А через месяц на другом аукционе — на левую. Так началась история отеля «Югославия». Под потолком зала для концертов и танцев с гипсовой картиной Вселенной будут проноситься истории людей. Руди Прохаска арендует зал и начнет показывать там фильмы. Его попугай по кличке Демократия не произнесет ни слова. Правительство новой страны национализировало кинотеатр, а попугай перейдет по наследству старому билетеру. Демократия не произнесет ни слова. Лишь после одного знаменательного сеанса, на котором соберутся тридцать человек, Демократия наконец заговорит.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(Сер)-44

© Савельева Л. А., перевод на русский, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-213090-8

КИНОЖУРНАЛ ИЗ ФОНДА «ЮГОСЛАВСКОЙ КИНОТЕКИ»

ПРАВЫЕ БОТИНКИ — ЛЕВЫЕ БОТИНКИ

Отель «Югославия» в Кралево был построен в 1932 году на месте, где до этого стояла корчма «Плуг». Построил его Лаза Йованович, сапожник родом из Рашки. Этот Лаза зимой 1926 года купил на аукционе в Белграде, считай, целый вагон списанных армейских ботинок. Ношенная обувь никого больше не заинтересовала, так что досталась ему по вполне приемлемой цене. Правда, в этой стране стоит только открыть рот, чтобы что-то рассказать, сразу находятся люди, которые утверждают, что они знают лучше:

— Да нет, Лаза Йованович дал взятку кому-то из Военного министерства, чтобы ботинки предварительно распарили и выставили на два разных аукциона!

Как бы то ни было, правые ботинки без левых никто покупать не захотел. Никто, кроме Лазы. Чтобы сэкономить на гостинице, он поехал ночным поездом, пока тряся через пол-Сербии, досыта насмотрелся темноты, думал, никог-

да утра не дождется, рассвело только на подъезде к Белграду. Тем не менее Лазе было не до того, чтобы осматривать столицу: всем, кто приезжает из глубинки, свойствен страх опоздать. Так что задолго до начала аукциона он уже жался в глубине роскошного зала. Если бы его спросили, где, на какой улице, в каком здании, он бы в ответ только пожал плечами. И тут он, возможно, так навсегда и остался бы никем не замеченным, если бы поднятой рукой не подтвердил начальную цену. Собравшийся народ, в большинстве известные торговцы, хищники в шубах с мягкими каракулевыми воротниками, разом повернули головы в сторону провинциально одетого человечка, решившего спустить деньги на бессмысленный товар.

— Первая цена раз... первая цена два... продано господину в последнем ряду! — объявил капитан-интендант, раздался удар молотка, взлетело облачко пыли.

Кое-кто улыбнулся. Но когда месяц спустя на следующем аукционе появились одни только левые ботинки, правые уже лежали на складе у сообразительного Лазы. На этот раз он сидел впереди, подчеркнуто непринужденно, начальную цену подтвердил уверенным тоном. Нахо-

дившиеся в зале «тузы» заерзали, выглянули из своих каракулевых воротников, вытягивая покрасневшие шеи...

— Первая цена раз... первая цена два... продано господину в первом ряду! — объявил ведущий, тот же самый капитан-интендант, удар молотка опять вызвал к жизни облачко пыли.

Теперь кто-то закашлялся. Участникам аукциона было неприятно не столько из-за упущенной выгоды, сколько от чувства уязвленной гордости. Зависть грызет торговца даже тогда, когда в чужом кармане оседает грошовая монета, а тут какой-то сапожник, или кто он там, так их провел, что просто больно. Все молча расступились, чтобы Лаза смог как можно скорее выйти и убраться в свой заброшенный городишко, и черт с ним, как говорится... Только кто-то один не сдержался, так его корежило:

— Смотри не окосей, пока будешь составлять ботинки по парам!

— Господа, давайте сохранять чувство собственного достоинства... Давайте без грубых слов... Продолжим... Перед нами новый предмет продажи, девять тюков шелка высшего качества из расформированного подразделения аэроставов! — объявил ведущий аукциона.

ДВЕ КУЧИ, БОЛЬШИЕ, КАК ГОРЫ

Несколько лет трудился Лаза Йованович, дома обедал только по воскресеньям и по праздникам. В остальные дни уже на рассвете отправлялся в арендованный склад рядом с королевской железнодорожной станцией и составлял пары из тысяч и тысяч ботинок, сваленных в две большие, как горы, кучи... По правде говоря, с этих куч он сначала несколько месяцев падал, взбирался по ним на четвереньках, спотыкался, копался в них и разбирал хотя бы приблизительно, пока не распределил все на несколько холмов, более или менее одинаковых, и уже тогда принялся без особых усилий окончательно соединять ботинки попарно... До поздней ночи пришивал оторванные подметки, набивал подковки, зашнуровывал, наводил блеск... И уже починенную обувь продавал, точнее, перепродавал, во много раз дороже. Причем даже для тех ботинок, к которым так и не удалось подобрать пару, он тоже без труда нашел клиентов — Первая мировая война закончилась совсем недавно, чуть не вчера, и теперь было много мужчин «с ногой». Хотя надо сказать, что здесь после каждой трагедии всегда найдутся люди, которые делают вид, что не замечают их, хлопают глазами, удивляются:

— Простите, какие такие мужчины «с ногой»?

Из-за них придется сказать:

— Нет, вы простите, это такие, которые без одной ноги.

У Лазы был свой расчет: грех брать с калеки за пару обуви, когда нужен только один, левый или правый, ботинок. Пусть возьмешь поменьше, чем за оба, но зато побольше, чем половина полной цены. Таким образом он приобрел известность как благодетель инвалидов войны, а при этом еще и дополнительно заработал. Так он примирил божьи и человеческие законы. Или хотя бы, в отличие от других, попытался это сделать. Что само по себе и сегодня может считаться немалым успехом.

Это была хорошая сделка. Лаза Йованович действительно стал немного косить после долгой разборки огромной горы самых разных ботинок и соединения их в пары, но заработал этим прилично. Когда дело было закончено, он встал со скамеечки, снял с себя сапожницкий фартук, шилом вычистил черное из-под ногтей, вышел из арендованного склада, остановился перед ним и потянулся. Теперь он мог сделать то, о чем долго, очень долго грезил наяву. В тот же день подкрутил усы и купил обветшавшую корчму «Плуг».

Его не интересовало покосившееся строение, но оно стояло на довольно большом куске земли, заплатить за который было не жалко, он не торговался, он даже не спросил о цене. Сидя в корчме, доставал сотенную за сотенной, не считая, выкладывал купюру за купюрой на покрытую пятнами скатерть... Хозяин «Плуга», который считался человеком порядочным, все больше и больше краснел и наконец сам признал:

— Достаточно, уважаемый хозяин Лаза... Мне стыдно брать с тебя больше, будем считать, что все это твое, ты и так уже дал много, очень много!

Тем не менее Лаза из вежливости добавил сверху еще одну сотню. Посчитал, что должен сделать это в знак благодарности — наконец-то он дожил до дня, когда его называли уважаемым хозяином.

ЭТИ МАРКИ МЕНЯ ПРОСТО УБИВАЮТ

На следующий день в соответствующей юридической инстанции договор принял чиновник Св. Р. Малишич, по прозвищу Государство. Фамилия так, ничего особенного, но прозвище будь здоров, мощнее не придумаешь.

Чиновник облизал пол-листа пошлинных марок и поставил печать. Точнее, все и было бы

так же быстро, как здесь описано, все совершилось бы за пару минут, если бы в действительности не тянулось гораздо дольше. Малишич-Государство был хорошо известен тем, что невероятно быстро утомлялся. Любой документ он изучал подробнейшим образом. При условии, что ему удавалось найти вечно куда-то засунутые очки. И при условии, что в верхнем ящике его письменного стола вместо очков он не обнаруживал запропастившуюся папку с приколотой запиской: «Срочно! Решить немедленно!», именно ту, которую уже месяцами где только не искал... В таких случаях любое другое дело откладывалось, и Малишич говорил раздосадованному посетителю, что ему следует прийти в другой раз:

— Когда?! Ты что, не видишь, я пока не понял даже, с какой стороны за это взяться, как развязать завязки... Эх, знай я, что так легко найду ее, не стал бы столько времени тратить на поиски!

Но в целом, в обычных обстоятельствах, если у него были какие-то замечания по сути дела, Государство крутил головой и многозначительно цокал языком, а проситель замирал. Если же замечаний не имелось, Св. Р. Малишич надолго замолкал, соображая, к чему бы прицепиться,

чтобы просто подчеркнуть важность своей персоны.

Но все это было ерундой по сравнению с финалом — наклеиванием канцелярских марок. Малишич умел по-простому хорошенько харкнуть, на первую марку его, как правило, хватало, у Государства даже находились силы пришлепнуть ее кулаком, но с каждой следующей во рту у него все больше пересыхало, он пыжился, пыхтел, выпячивал губы, пока посетителю, который все это время ждал и ждал, не приходило в голову:

— Господин Малишич, а может, пивка?

— Хм... — Государство тут же вскидывал на него взгляд через очки. — А ты знаешь, можно. Эти марки меня просто убивают, сил не жалею, потею, во рту полно клея... Давай-ка, принеси бутылочку холодненького, или две, не больше, чтоб не в ущерб делу... Возьми и себе, а всю не выпьешь, я потом остаток допью потихоньку...

И так повторялось в несколько заходов. Включая пиво, которое обеспечивало Малишичу-Государству достаточно физической влаги, чтобыдохнуть на печать, и достаточно физической силы, чтобы наконец замахнуться и триумфально заверить документ. Трах! Так государство коротко и ясно говорило свое слово.

Но Лаза Йованович не хотел тратить время на пиво. У него были большие планы, он торопился.

— Вы спешите? — спросил Св. Р. Малишич, ища очки.

— Даже очень, — ответил Лаза простодушно.

— Погодите, вот только найду очки... Считайте, что дело сделано... — начал Государство бодро, но от этого порыва тут же утомился.

Вот дело и затянулось. Поэтому потребовалось больше времени, чтобы описать все то, что кратко можно было бы передать так: в тот же день, когда договор был заверен и зарегистрирован, Лаза Йованович, покинув соответствующую юридическую инстанцию, тут же распорядился снести корчму «Плуг», а на ее месте, на главной улице города, построить отель, такой, какого в Кралево никогда не было.

МИГАЮЩИЕ ТОЧКИ И ТРЕЩИНЫ

Так и осталось непонятным, то ли Лаза Йованович, как и другие наши люди, не знал меры, то ли по своей личной природе был упрямым.

— Он не знал меры! К упрямству это никакого отношения не имеет! — будут лезть со своим мнением некоторые, хотя их никто ни о чем не спрашивал.

Во всяком случае, Лаза не хотел отступать от своего грандиозного плана ни на один кирпич. По мере продвижения работ у него кончились деньги. Он несколько раз взял в долг у промышленника Милько Петровича Риже. В конечном счете все потянуло на 1 000 000 динаров (прописью: баснословно). Именно в такую сумму обошлось здание, в котором на первом этаже был зал ресторана, за ним еще один зал, для танцев и концертов, и еще летняя веранда, а на втором этаже тринадцать двухместных номеров. Фасад отеля украшала лепнина, такая же, как и на лучших домах в Белграде. Правда, в упрощенном, провинциальном варианте. Над фризом располагалась гордая надпись «ОТЕЛЬ ЮГОСЛАВИЯ». В общую цену входило еще несколько статей расходов: черный фиакр для особо важных гостей, пелерина для кучера, погреб для хранения льда и охлаждения витрины, фарфоровая посуда из Чехии и столовые немецкие приборы из нержавеющей стали, столы для бильярда и стол для рулетки, роскошные люстры и настольные лампы, ткани из лучшего магазина тканей «У Лувра»... Все должно быть безукоризненным, таким, какое здесь никто никогда не видел.